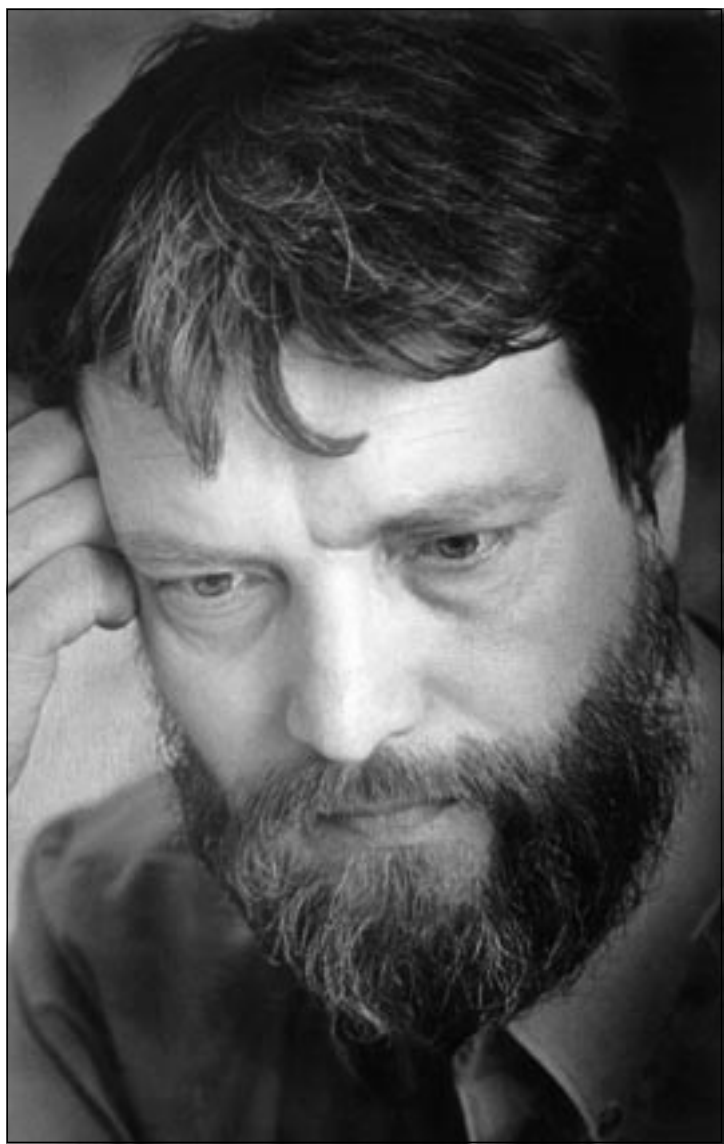

Посвящается
моей жене
Анне Пановой

С О В Р Е М Е Н Н А Я   Л И Р И К А

**Александр
КУВАКИН**

**П О Ю Щ А Я
П У Л Я**

**И з д а т е л ь с т в о
«Историческая газета»
Москва
2 0 1 0**

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6
К 88

Кувакин А.Г.
К 88 **Поющая пуля.** – М.: «Редакция “Историческая газета”», 2010. – 144 с. (Современная лирика).

ISBN 978-5-91771-010-5

© Кувакин А.Г., текст, 2010
© «Редакция “Историческая газета”»,
оформление, 2010

Настоящая поэзия существует по факту.

Ей нет необходимости в литературоведческом или критическом оформлении. Для её восприятия и понимания необязательно иметь специальное образование. Она сама является самообразованием народа. И любой человек, и любая поэтическая система взаимодействуют на уровне чувства и высоких смыслов.

Мне приятно представить книгу Александра Кувакина — она отвечает моему пониманию того, что является русской поэзией.

Александр Кувакин — не частное лицо. Сейчас у нас многие поэты представляют себя как частное лицо, отдельное от великого социума или нации, от нашего огромного исторического прошлого, и поэтому наблюдение или знакомство с их поэзией становится моим частным делом. Я могу это читать или не читать, от этого у меня ни прибýtка, ни убытка.

Творчество Александра Кувакина как раз и заключается в том, чтобы как говорил Пушкин, быть «эхом русского народа». Попытка выразить то, что думает он сам, очень важна. Это и есть отражение состояния народа, частью которого он себя считает, от которого себя не отделяет и о бессмертии которого заботится.

Мне бы хотелось, чтобы внимательный читатель обратил внимание на эти стихи – в них, по выражению Пастернака, «дышит почва и судьба». А вот почвы и судьбы и нашему обществу сегодняшнему, и нашей мелькающей на телевидении литературе не хватает.

Дай Бог!

Владимир КОСТРОВ,
*Лауреат Государственной Премии РСФСР,
Лауреат премии Правительства Российской Федерации
в области культуры,
Председатель Международного Пушкинского
комитета.*

... В поэзии всегда редким даром считалось умение слышать прежде слова, прежде умения слагать рифмованные строки – музыку вечности, музыку неба, музыку таинственного нашего родства с судьбою Родины, Святой Руси... Одни – слышат политический шум, другие – свое маленькое «я», третьи – раздражающий пьяный крик соседа за стеной.

И только немногим дано мучительно и радостно улавливать тревожный смысл бытия. Адекватно он может быть выражен только на языке поэзии – языке человечества.

Этим редким даром, редким слухом счастливо наделён поэт Александр Кувакин. Неслучайно самым близким своим литературным предтечей он считает Александра Блока. Неслучайно свою предыдущую книгу он назвал единственно верным смылосочетанием – «Господне ремесло». Собственно, это название всех его будущих книг.

Так будет, пока Господь дарует ему ответственность слышать русскую судьбу, в которой:

*Над прошлым, повитым туманом,
Над нынешним часом широт,
Над будущим ураганом
Победная песня плывёт...*

Геннадий КРАСНИКОВ,
Лауреат Горьковской литературной премии.

I

**Русский
ветер**

* * *

Любовь — это русский ветер,
Срывающий душу в лёт.
Любовь — это свет во свете,
Когда его тьма гнетёт.

От века любви страницы
Кровью написаны все.
Любовь сметает границы
По дороге к весне.

Любовь никого не обманет —
Только доверься ей.
Любовь никогда не престанет
Волей святой своей.

2007

* * *

Поднимаю забвенное знамя поэта.
Ветер! Ветер! — зову на все стороны света. —
Поднимайся! Лети! Взвей победное знамя,
Чтоб дыханье его трепетало над нами.

Чтоб над всею землёй,
Над бескрайностью крова,
Польхало огнём
Знамя вещего слова.

2008

* * *

Михаилу Гусарову

Подставляю ветру грудь —
Отзовитесь кто-нибудь.

Из-за леса, из-за туч
Бросьте ждущим слово-луч.

Видите, душа готова
Чувствовать и верить снова

В незакатные рассветы,
В сердце данные обеты,

В музыку сквозящих дней,
В трезвость памяти своей,

В краткость вешней непогоды,
В торжество святой свободы.

Кто не верит, погляди —
Луг цветущий впереди.

Радугой, скользящей в лёт,
Там грядущее поёт,

Гребнями морей и гор
Новый плещется простор,

Там от края и до края
Дождь чудес — вода живая.

2001

* * *

Здравствуй, песня полей предвоенной равнины:
Петербург —

Петроград —

Ленинград...

Петербург!

Ветер, бивший в лицо,

туго хлещет нам в спины, —

Маски прочь! Хоровод собирается в круг.

Бейтесь, бейтесь в гранит, ненасытные волны!

Падай навзничь земля, предававшая свет!

Стройтесь молнии с громом

попарно в колонны, —

Дочитайте грядущему Новый Завет.

Кто оплатит зарю, что отпела всех павших?

Чьи сердца не сожжёт солнца луч золотой?

Чью мечту не убьют песни новых восставших?

Чей алтарь защищён неземной красотой?

Исчезает из глаз день, летящий обратно —

Это тысяча лет обращается вспять.

Обращается в день неземной, незакатный, —

Вновь потёмки души мировой освещать.

Бейся, бейся в ночи, неразумное сердце,
Прозревая грядущего звука пути.
Это белый рассвет, обратившийся в детство, —
Только в чудо нездешнее веруй — и жди.

...А в России — зима. И плывут бесконечно
За окном в бриллиантах поля и леса.
И Любовь в небесах снег транжирит беспечно,
А Надежда и Вера глядят в небеса.

2005

* * *

Геннадию Красникову

Метро.
Стекло.
Пятиконечный символ.
Век умер.
Опустел перрон.
Насытившись, последний стимул
Ложится в сон.

Прощай, соблазн!
Мы всё же дети света.
Лети, звезда!
И больше — не зови.
Мы — грешные.
Идём путём Завета
К любви.

2000

ЧЕРНЬ

В. Д. В.

Я видел: он поднялся в рост.
Я слышал: он поёт.
Он встал на свой смертельный пост
И больше не умрёт.

Росток! Ты больше не умрёшь,
Хоть умирал не раз —
За мирового братства ложь,
За призрак счастья масс,

За красное сражался ты,
За белое страдал,
За яркий блеск пустой мечты
Ты душу отдавал.

Теперь на собственной земле
И в собственной судьбе,
Не путаясь в добре и зле,
На век стоять тебе.

Но веруй, веруй — в день и в ночь
Сомнений ворох прочь:
Дыхание земли — оно
С небес тебе дано.

2004

1 мая 2006 года

Отныне и до окончания веков
наш жребий таков:

Рабы и хозяева русской земли —
мы вышли из мглы.

О, сколько упорства и сколько потуг!
А праздник наш глух.

Но меч приближается правдой с небес —
Он знает свой вес.

...Но огненный меч ниспадает с небес —
Он помнит свой вес.

Рабы и хозяева русской земли —
вы вышли из мглы.

О, сколько упорства и сколько потуг!
А праздник ваш глух.

От века и до пресечения веков:
«Гряди, Саваоф!»

* * *

Николаю Дорошенко

В чёрное тело России
Жертву несите свою.
Слёзным молитвам Марии
Пойте: «Благодарю!»

Пусть затопило нас новью,
Пусть замело пустотой —
В сердце, разбуженный кровью,
Луч поёт золотой.

* * *

Травы пригнулись, дома зашатались,
Ворон прижат к земле.
Кончились дни, что никак не кончались —
Сгинул товарищ во мгле.

Век взрывною волной опрокинут.
Божья воля цветёт —
Всю человечью смердящую тину
Сбросила вниз — и поёт.

Лёг богатым, проснулся голым —
Шоу идёт на бис.
Голым уснул, а проснулся весёлым —
Здравствуй, новый артист!

Над городами дымное солнце —
То не на брата брат —
Это проснулись уран и стронций
И — ни о чём говорят.

И со всех сторон неприметно,
Как бы невидимый свет,
Шлёт надежда своим заветным
Перед разлукой привет.

РУССКОЕ
(после бури)

Ни слов. Ни лиц. Ни мыслей. Город спит.
И только он хлопочет на помойке.
Под нос бормочет что-то — говорит
С вещами, жившими до перестройки.

Над ним войною небеса гудят,
Вокруг шумит, шумит трава иная,
Вокруг его знакомцы мёртво спят.
А он, наивный, ищет, ищет «рая».

2003

* * *

Вы хотели жизни? Вот она.
И не возмущайтесь: «Где страна?»
Вы хотели Бога? Вот и Он.
И не вопрошайте: «Где закон?»

Над разливом полноводных рек,
Где стоит отважный человек,
Радуга двойная разлилась —
В ней страна, закон. Меж ними — власть.

2009

ИМПЕРИЯ

Обречено. Обречено на слом —
И я, и ты, и вы, и сад, и дом.
Советский сад и русский дом при нём
Обречены на слом и на подъём.

Не будем колдовать и ворожить,
Не будем пыль забвенья ворошить.
А будем строить дом и сад сажать —
Чтоб с Богом жить. И в Боге умирать.

2009

ТАМАНЬ В СНЕГУ

В. Ж.

Не на шутку рьятся небеса, —
Бьют по окнам кулаки метели.
Не Тамань — сплошные чудеса —
Даже сельсоветы побелели.

Даже Виктор — юбиляр, мудрец —
Бровь приподнял: «Было... Но такое?!.»
Небеса пропели: «Не конец.
Мёртвым хоронить свое бывшее».

Встал из пелены снегов Иван,
Сын дворов и улиц Краснодара.
«Баста! — заключил. — Кончай обман!»
И кулак нацелил для удара.

В тот же час в расщелинах земли
Пробудились ото сна ракеты —
И случайно стали на мели
Мирового хаоса сюжеты.

И пошла, пошла играть заря
Золотистым, голубым и красным,

Открывая новые края,
Где считают зло трудом напрасным,

Где повержен яростный дракон,
Опаливший миллиарды судеб,
Где любовь — единственный закон
На скрижалях у бесстрастных судей.

Не на шутку рвутся небеса, —
Бьют по окнам кулаки метели.

Грейте дорогих — глаза в глаза:
Сроки рядом — времена созрели.

2004

* * *

С. Г.

Ухабы да ямы, ухабы да ямы,
Да Солнце, кружащее Землю упрямо,

Да лёгкие души, да западный ветер,
Да вольность сиротства на всём белом свете.

Ну что ж! Принимайте леса и моря,
И горы, и степь, и закат, и заря,

Асфальт городов и луга деревень
Мою, словно ветер, внезапную тень.

Я был человеком. Товарищем был!
Да всё позабыл...

2006

* * *

Михаилу

Да, слова — это воздух,
Колеблемый ветром.
Да, спасаясь от жизни —
Души не спасти.

Только ты — человек.
И, колеблемый веком,
Призван, чтобы
На век в небеса прорасти.

* * *

Алексею

От порога — родные ухабы.
Впереди — мировая Луна.
Сотрясает небо Каабы
Золотая твоя струна.

И вокруг Солнца парит неземное.
Говорят: «Это просто слова».
Отчего же тогда в знойном зное
Птица вещая вечно жива?

И откуда такая сила?
Сила — вот она: деньги да власть...
Но она в оны дни молила —
И завеса разорвалась.

Тьма всё гуще.
Полет всё выше.

Но с неведомой высоты
Птица вещая тех, кто слышит,
Узнаёт, окликаая на «ты».

2008

* * *

Друзьям

Распрягай свою душу — и трогай.
Полетим над недавним быльём.
Над равниной своей светлоокой,
По-над пашней и по-над жнивьём.

Полетим и увидим, как жили,
Как любили и что сберегли,
И какие безвестные были
В русском сердце судьбой проросли.

Видишь, друг мой, какое сиянье
Нам открылось за наши грехи?
Что же мешкаешь? Прочь обстоянья,
Сбрось с размаха души постромки.

Это снова начало. Ты вспомни,
Как рвалась в наших судьбах Судьба.
Вспомни, друг мой, каменоломни,
Где с любовью любили раба.

Вспомни дней предрассветных туманы,
Вспомни дружбы и верности круг,

И какие искрились обманы
В клятвах верных друзей и подруг.

Видишь? Солнце играет лучами
По-над далью, что в кровь запеклась.
Слышишь? Гимны вдали зазвучали.
Веришь? Это нетленного власть.

2008

НА СМЕРТЬ ОТЦА

Православные сны, православные сны —
Соработники вечно творящей весны —
Осторожно и твёрдо хрустальным мечом
Отсекают дорогу в покинутый дом.

Всё!

    Ни слёз, ни болезней не встретишь теперь,
Не оставишь детей, не покинешь жену.
Ты открыл, наконец, ту заветную дверь
В освещённую Солнцем нетленным страну.

Здравствуй май, расцветающий в сентябре, —
Лопнул воздух от вешнего грома — смерть.
Здравствуй жизнь всепобедная в новой заре, —
Ты успел только брачное к пиру надеть.

Выгрыз солнце твоё юный век-волкодав,
Изблевали химеры заветные сны.
И живую душой против века восстав,
Ты ушёл на просторы ночной глубины.

Как дышал ты! Как пел! Не смолкал до утра
Голос грубых, свободных и тёмных стихий.

Как молчал ты! В момент огневые ветра
Выжигали окрест все — до тяжких — грехи.

Посреди ликования ты вдруг умолкал,
Опуская свой взгляд невесёлый вниз.
«Гена! Гена! — вскипал и накатывал вал. —
Веселее, товарищ! Не думай, очнись!»

Ты за старое их, беспокойных, прости —
Знать не знали куда приведёт этот путь.
И за всех у Престола с любовью проси,
Никого, умоляю тебя, не забудь.

Ничего из почившего не вспоминай, —
Ни измену, ни трусость, ни ложь — ничего...

Дверь закрыть.

На помин — золотого вина.

«У-по-ко-о-ой в Тво-и-их гор-ни-и-х
ра-ба-а Сво-е-го-о».

(20.V.1933 — 08.09.2002), 40-й день

* * *

Маме

Окна белым занавешены.
Вольно и светло вокруг.
Кровью наши судьбы взвешены.
Не грусти о прошлом, друг!

Слышишь лёгкое дыхание?
Видишь огненные сны?
Это близкое сияние
Расцветающей весны.

Это слёзы расставания
С неизбежностью земли,
Это радость расстояния
Неизвестной, краткой мглы.

Так споём же песню вечную
О Его любви святой,
И забудем скорбь сердечную,
И расплачемся с тобой...

05.03.06

ПАМЯТИ МОЕГО ДЯДИ

«Ваш сын красноармеец Лукин Николай Александрович, 1923 г.р., уроженец Воронежской обл., с. Грязи, находясь на фронте, пропал без вести 15 февраля 1942 г. при выполнении спецзадания по разведке.

Штаб 849 артиллерийского полка.

8 мая 1942 г.»

Из похоронки.

Ленинградский фронт.

Красноармеец Николай Лукин
Шёл по войне, не замечая мин.

«Что нам война!» — друзьям он говорил.
И спирт водой ни в жизнь не разводил.

«Вот Волхов, — говорил, — вот Шлиссельбург.
За Ленинград их бьём, за Петербург».

А после оборачивал свой взгляд
В ту сторону, где отчий дом и сад,

Где мать с отцом да младших — братьев пять
И четверо сестёр — родная рать!

Глаза его влажнели на ветру.
«Нет, — он шептал. — Так просто не умру!»

И в боевых товарищах своих
Дух поднимал, читая древний стих

Про Куликовский бой, Бородино,
Про битвы, в сердце певшие давно.

И впереди немецкий наглый враг
Бойцам казался обращённым в прах.

Когда Лукин в разведку уходил,
На Сретенье пух снежный повалил.

Со Сретенья рукой подать — весна.
Весна — кругом. Была ли ты, война?

Восьмого мая в штабе артполка
Над похоронкой пели все века —

Красноармеец Николай Лукин
Стал в русском небе вечный русский сын.

2010

МАМЕ

Родная, улыбнись!

Твою улыбку
не часто видел наш холодный век,
качающий смертельным штормом зыбку
с названьем позабытым — человек.

Твои пятнадцать расстрелял германец.
А в тридцать — била красная метель.
«В своей стране я словно иностранец», —
жгла и трезвила череда потерь.

А в сорок — повторенье мать ученья:
язык — в подполье, сердце — на замок.
И в пятьдесят — на свежий круг терпенья
за старый, неосвоенный урок.

А в шестьдесят...

Но роковым урокам
не привыкать учиться у судьбы.
Всё та же ты — твоя борьба не с роком —
с окаменением души не ладишь ты.

Всё та же ты — лучишься, как и прежде,
как прежде, вторит голосу струна —

в землянке сердце полнится надеждой
и на Заречной близится весна.

И слышу, как течёт в глубинах рода
по древним руслам непрístupный свет.
И помню, как в любое время года
ты отвечала только «да» и «нет».

И вижу взгляд — взыскательным и строгим
он был всегда: «Не опозорьте дом!
Не смейте подражать душеубогим!
Не место вам, где празднует содом!»

Родная, улыбнись!

Да, завтра битва.

Но после пусть звучит твой лёгкий смех.
Родная, помолись! Твоя молитва
за нас и за врагов — одна за всех.

2000

В ПЕРЕСЛАВЛЕ-ЗАЛЕССКОМ

*Матушке Евстолии,
настоятельнице Свято-Никольского
женского монастыря*

Покачнулись и поплыли —
храмы, улицы, дома.
Милый друг!

Да где ж мы были?
Как мы не сошли с ума!

Оставался шаг до края:
крохи веры распродать
и в предошущеньи «рая»
беспробудно загулять.

Но Спаситель не оставил —
попалил святым огнём,
все желания оплавил,
проливным обдал дождём,

покаянную слезою
душу русскую омыл,
чистой, утренней росою
новое благословил.

* * *

Геннадию Полякову

По тульским улицам идти
И чувствовать — дух по соседству:
Здесь власть, как воробей в горсти,
Здесь крест, вручённый по наследству,
Здесь — оружейников земля,
Здесь — воздух тяжелей металла,
Здесь — ровными стоят поля.
...Их нежность ко врагу сравнила.

* * *

Ещё тревожит девятнадцатый,
Ещё кипит в крови двадцатый,
Ещё поют в Кремле семнадцатый,
Но двадцать первый — час расплаты.

Домов нестройные строения,
Дворов глухие очертания,
И жителей полночных пение —
Всё растворится в расставаниях.

И белым, словно вздох, поднимется,
Навеки покидая землю,
И зарыдает, что отнимется
Всё, что на небе не приемлют.

2009

НА СМЕРТЬ ЮРИЯ КУЗНЕЦОВА

Солнце восходит – природа ликует.
Солнце заходит – природе спать.
Спи, Кузнецов! Пусть Россия волнуется
Тех, кого стоит ещё волновать.

Век изблевал наши сказки и мифы,
Бросил собакам и слово, и плоть,
В ад погрузившись, воспел Сизифа –
Хватит, мол, лирику-дуру молоть.

Что же, прощай отгоревшее время –
Дымом по ветру – судьба и страна.
...Сеющий семя да сеет семя,
Ведая духом, где глубина.

2003

* * *

Это ты, Петергоф, виноват!
Ты расставил нам сети.
Мы забыли, что райский сад
Далеко — на том свете.

Мы не видели — знаки горят!
Мы не слышали — воеет камень!
Мы взлетели с тобой наугад.
И разбились о пламень.

2005

БУДНИ БОЛЬШОГО ГОРОДА

«Не люблю тебя, Адам! —
Ева, позвдыхав, сказала. —
Больше близости не дам.
Мне у змия слаще жало».

Жало! Сладкое, как мёд —
Ева пьёт,
        парит,
                        поёт.

2005

ШУТКА

Анне

Да что ты всё: «Давление, давление...»
Зато в крови – кипение
И солнце – в сотни брызг!

Помаемся, помаемся,
Да всё же разругаемся
С давлениями вдрызг.

Пойми – мы дети вечности,
И радостны в беспечности
Полётов дружб и встреч.

И в этой вечной ясности
Нет места для опасности
Давление сберечь.

2007

НА ПОСЕЩЕНИЕ ВОРОНЕЖА

Что ты ищешь, Кувакин, на кладбище грёз,
Там, где только осколки бессмертных лучей?
Но остался, Воронеж, последний вопрос:
Что же делать поэту среди не людей?

Он способен их души, как лёд, растопить,
Он способен их злобное сердце унять.
Но не может, как зверя, несчастного бить,
И не может в глаза безответному лгать.

Выходящим из мрака скрываться во мрак?
Или так же пытаться, как пытаются они?
Впрочем, столько вопросов, как будто я — враг,
И идут в никуда я, они, эти дни.

Да, мы всё же — враги. Это именно так.
Нам ничто не мешает друг друга убить —
Жизнь — копейка, случайность,
советский пятак...
Только голос небесный командует: «Жить!»

2009

* * *

Покидаю обжитую местность,
Ухожу в неизведанный день.
Я сегодня грядущему внемлю,
Я сегодня – грядущего тень.

Оставайтесь в объятьях вопросов –
Что первично? Почём бытие?
Нет вопросов у русских матросов –
Славим имя святое Твое.

2004

* * *

Вместо нас останутся слова.

Чья-то наклонится голова

Над стихами нашими.

И вдруг

Огненный возринет в Небе круг.

Прочь, сомненья! Дальше от Земли!

Дни тысячелетья отцвели.

Ясно, вольно и бело вокруг –

Жги сердца новорождённый звук!

2006

* * *

Владимиру Мисюку

Если б только стужа!
Если б только ночь!
Если б только ужас
Гнал вперед и прочь!

Вязли бездорожьем.
Но слова нашли,
Что цветов моложе
И теплей земли.

2010

II

Самое-самое

* * *

Россия — поющая пуля.
Всем бедам и страхам назло,
Объятья обманов минуя,
Летит, выпрямляя крыло.

Внизу — только скорбь да измена,
Прямые пути — вперекос.
Вверху — дух сомненья и тлена,
Но выше — победный Христос.

Подземные цели — открыты,
Воздушные цели — близки,
Наземные цели — разбиты,
Пути, что остались — узки.

Над прошлым, повитым туманом,
Над нынешним часом широт,
Над будущим ураганом
Победная песня плывёт.

И сколько бы вслед ни звучало
Упрёков, проклятий, похвал,
Поющая пуля — начало
Таинственных наших начал.

САМОЕ

Самое сладкое – пост и молитва.

Самое горькое – Бога не знать.

Самое верное – с духами битва.

Самое зыбкое – духам внимать.

Мне говорят: «Что о чувствах не пишешь?»

«Что же, исправлюсь», – бросаю в ответ.

Самое-самое – дышишь-не дышишь.

Самое-самое – жив или нет.

* * *

Вместо сердца – мотор, –
Пели так.
Вместо Бога – простор, –
Верил всяк.

В паутине времён –
Звук повис.
Между пыльных знамён –
Праздник крыс.

У ШОРОХОВА

Ночь над миром или тишина,
Звёзд мерцанье или свет сердечный,
Родина — судьба, душа, страна —
Путь стремится таинственный и вечный.

В час, когда в сердцах царит гроза
Или веет лёгкая прохлада,
В глубине лесов горят глаза
За погостом станции Отрада.

Видеть их не всякому дано, —
Сказано: «Пребудьте, словно дети»,
Сказано: «Бесплодное зерно,
Если не умрёт в земле навеки».

Там, в высоких русских небесах,
На земле разорванные звенья —
Роды, судьбы, лица, голоса —
Связывает дух преображенья.

Там цветёт нездешняя заря,
Каждая душа одета в радость.
Там между собою говорят,
Словно наяву вкушают сладость.

Там одной дорогой — все пути,
Как притоки все — единой Волгой.
Там молитва общая летит
Ко Престолу благ прямой недолгой.

Там мытарства в прошлое ушли,
Как уходят на заре морозы.
Там не вспоминают власть земли,
Как страницы неудачной прозы.

Там — не здесь, в скорбях и маете —
Видишь невозможное — возможным.

Только помни, гордый, о кресте.
И носи его путём неложным.

* * *

Смиритесь силы ада —
Грядёт российский царь.
Он восстановит стадо —
Жизнь потечёт как встарь.

Как встарь забьётся сердце,
Как встарь очнётся ум.
Откроется наследство,
Уляжется самум.

И белый, белый, белый
Ударит звездопад.
Из смелых самый смелый
Скомандует: «Назад!»

Назад — к святой свободе,
Назад — в открытый храм,
Назад — к своей природе,
К цветным и вещим снам.

Прозрел ослепший инок.
Глядит — издалека
Плывут, как будто льдины,
Грядущие века.

КРАСНЫЙ СОЛОВЕЙ

О судьбе Советского Союза,
О любви и гордости своей,
О слепых товарищеских узах
Спой, как прежде, красный соловей.

Ты взахлёб, бывало, заливался
О рассветах нежных над Кремлём,
Ты союзом нерушимым клялся,
Пел, что саду цвести в краю родном,

Уверял, что человек — хозяин
Необъятной Родины.

И сам

От Москвы до самых до окраин
С песней кочевал то тут, то там.

Пой смелее, милый!

Что же медлишь,
Что нахохлил перья и молчишь?
Что сейчас в уме и в сердце делишь,
Упираясь взглядом в срезы крыш?

Или ты жалеешь, что безумству
Храбрых больше песню не споёшь?

Красный соловей, долой угрюмство,
Бело-сине-красный гимн даёшь!

Ты же верил искренне и твёрдо.
Что же вера твёрдая твоя?
Прочь сомненья, ну-ка громко, гордо:
«Широка, как встарь, страна моя!»

Только мёртвый знает всё о жизни.
Только жизнь без страха смотрит в смерть —
Отрешённый, хладный лик Отчизны.
Красный соловей,
куда лететь?

ОСЕННЯЯ ПЕСНЯ

Вставай, вставай, обугленное слово!
Я песню радости спою тебе.
Угрюмый жар пожара мирового.
Пылавшего в твоей судьбе,

Погас.

И только ветер гонит пули
По русскому бродвею день за днем,
Да истукан в последнем карауле
Охвачен красным, треснувшим огнем.

Вставай, вставай, измученное слово!
Тебя пытали так, что лишь душа
Одна осталась от всего живого,
Да и у той — ни крова, ни гроша.

Но свет горит.

И на осеннем поле
По золотому чёрное легло.
И в этой непреклонной, вечной воле
Всплеск лёгкого дыхания твоего.

И праздничное налетает чувство,
Что выздоравливаешь ты,

Что пенья русского весёлое искусство
Сорвёт печать сердечной немоты.

И как лесов осеннее цветенье
Рисунком нежным в воздухе сквозит,
Так близкий снег — не снег, а вдохновенье,
Когда с землёю небо говорит.

* * *

о. Владимиру

Вижу,
    как поют
Высоко, в раю:

«Свят, свят, свят
Господь Саваоф.

Свят, свят, свят
во веки веков
Господь Саваоф.

Свят, свят, свят
во веки веков,
во веки веков
Господь Саваоф».

* * *

Ты уже не школьник, ты — поэт,
мой народ, беду преодолевший,
если: «Счастья не было, и нет», —
говорит язык твой онемевший,

если самоцветный свой кристалл
начал ты оборонять любовью,
если от источника начал
причащаться стал святою Кровью,

если красным призракам сполна
воздаёшь прекрасным равнодушьем,
если понял, что твоя страна
близится к тебе путём воздушным.

Так скорей гони свою печаль
в прошлый день, на кладбище печали!
Ты хранишь в себе такую даль,
где иные исчезают дали.

Ты стоишь у мира на виду,
и ни от кого не ждёшь пощады,
веря непреложно — «Ей, гряди!»
«Ей, гряди!» — зовёшь в кольце осады.

И пока стремишься в небеса
до родного вечного порога,
твой покров — святыя чудеса,
и легка тебе твоя дорога.

* * *

Над городами новой России
Летним сумраком, зимним днём
Всё отчётливей голос Мессии:
«Преображайтесь Духом-огнём!»

Старые распри и старые песни
Плотно окутал белый туман.
Друг мой, душа дорогая, воскресни —
Дышит грозой мировой океан.

Всё, что казалось далёким когда-то,
Переступает каждый порог.
Вспомни, душа, ты весёлым солдатом
Смело сметала печали дорог.

Нам заповедано: быть — не казаться,
Нам суждён единственный путь —
Воля к воле в одно собраться,
Так, чтоб и смертью не разомкнуть.

Близится неотвратимо комета —
Хаос восстал!

Подними свой взгляд.

Видишь, душа, сколько лёгкого света —
Это огни всеспасенья горят.

Слышишь, душа, исполненье Завета —
Это поют спасённые: «Свят!»

* * *

Распускается время цветами
На распластанной в прахе земле.
Не выпытывай, что будет с нами.
Будет то, что таится во мгле.

Что там? Войны? Пожары? Восстанья?
Ложь друзей и объятья врагов?
Неизбежный мотив расставанья
С бесполезным наследьем веков?

Слушай песню цветов простую,
Она соткана из молитв:
«Я по родине вечной тоскую,
О нездешнем сердце болит».

* * *

А. Ш.

Священной ночи приближенье
Скорбит, но чувствует душа.
И разум станет – помраченье,
И сердце смолкнет – не дыша.

И горизонт взлетит – пожаром,
Когда влюблённых веселя,
Небесным даром, чудным даром
Задышат русские поля.

* * *

...говорить на непонятном,
сладком, русском языке,
плыть до цели — и обратно
по небу, как по реке,

черпать все слова из Слова,
воду жизни — из молитв,
падать, подниматься снова,
новым восставать из битв,

снам не верить, но виденью
поразиться навсегда:
белое стихотворенье
словно полная вода,

и в кругу заздравной чаши,
на пиру заветных слов,
возглашать своё, но наше,
радостью колоколов,

а при встрече века с веком
не клонить своих колен —
оставаться человеком
и под гнётом перемен,

ближнему простить обиды,
всех врагов благословить,

чтоб, теряя мир из вида,
Волю Вышнюю любить.

* * *

А. С.

Вязнут в ночи дома.
Долог в ночи наш путь.
Топкая, липкая тьма,
И — не уснуть.

Сколько в ночи трудов!
Сколько в ночи молитв!
Синей водой городов
Воздух залит.

О, огнекрылый луч!
Ждущим света в ночи
Брось через толщу туч
Пламя свечи.

* * *

Только с Пушкиным и Блоком,
Только с музыкой и светом
В дни, оставленные Богом,
Чувствую себя поэтом.

Над пленённою Москвою,
Над желтеющей Россией
Чёрный день* стоит конвоем
В убывающей, но силе.

Эти пашни, эти травы,
Эти нищенские песни
Видели: поток кровавый,
Вниз ползущий с Красной Пресни.

Слышали: молитвы шёпот
Угасающих в изгнанье.
Горький, мёртвый, русский опыт,
Что ж ты медлишь с покаяньем?

---

*«Чёрный день» — так собирался назвать в 1921 году свою будущую книгу А. Блок.

Что же медлишь, прибавляя
Крови, горя, слёз и боли?
Слышать больше не желаю
Оправданий своеволья.

Видеть более не в силах
Это торжество разврата.
Братья! Не спаситесь в могилах.
Поле чести – брат за брата.

Сёстры! Вспомните молитву
За бойцов.

По их примеру
Строятся ряды на битву.

За Отечество и веру.

НИЖНИЙ НОВГОРОД

Если вслушаться в Нижний, услышишь герань,
что рыдает в окне деревянного дома.
Громко сказано — дома! Какая-то дрянь,
так, дрова. Впрочем, шифер вверху, — не солома.

Этот плач — из-под копоты труб заводских.
Он о том, что уже отцвело безвозвратно,
об ушедших в ничто лёгких судьбах людских,
и о том, что сегодняшним дням непонятно.

И шаляпинский голос герани вослед
всё о том же твердит городам и столицам,
что для счастья поволжского брезжил рассвет,
да забыло оно на восток* помолиться.

И Челкаш пробудился под горьковский смех,
отряхнул свои путы и двинул в дорогу —
где тут Бог? кто тут царь? а долой-ка их всех!
И товарищей свистнул себе на подмогу.

Нижний! Китеж! Сиял ты на Волге царём.
И герань пела песни тебе золотые.

---

*На Нижегородской ярмарке был выстроен храм, обращенный алтарём на западную сторону.

«Всё на слом! Всё на слом!

Всё на слом! Всё на слом!» —
загудели с Откоса утробы пустые.

И глуша святотатство разбойным вином,
погрузился во тьму бессловесную город.

Только сном,

беспробудным, беспамятным сном,
утоляя духовный сжигающий голод.

...Ты проснёшься. И вспомнишь — спасения нет,
кроме воли Господней!

Ну что ж, на колени!

Нижний Новгород, выстрадай, вымоли свет,
все, проклятьем клеймённые, вымети тени.

* * *

А. Ш.

У нас иная иерархия:
Земле — страданье, небу — радость.
У нас в сердцах цветёт монархия:
В миру — терпенье, в храме — святость.

Нам дорог — подвиг жизни жертвенный,
Из всех свобод — любовь дороже.
Нам ближе Пушкин, — хоть и ветреный,
И бывший член масонской ложи.

УТРО НА КУЛИКОВОМ ПОЛЕ

Владимиру Кострову

Как соловья ни травы, —
Вечно поёт о любви.

Вечно поёт об одном —
Славит Предвечного дом.

Друг мой! Былые года,
Словно донская вода,

Словно донская печаль,
Канули в самую даль.

«Ты их назад не зови», —
Молят твои соловьи.

Красное утро, гряди!
Сердце живое буди.

Взвей над полями рассвет
Долгих, безоблачных лет.

Сколько блаженств впереди!
Белое солнце, гряди!

Друг мой, душа! Не страшись —
Ясная в ясном явись.

Да, все мосты сожжены,
Да, ни детей, ни жены,

Да, только други вокруг,
Да, только солнечный круг.

Пусть впереди — смертный бой.
Белое солнце — с тобой!

...Здесь, у Непрядвы твоей,
Вечно поёт соловей.

Господне ремесло

* * *

Поэзия — господне ремесло.
Тщись, лезь из кожи, тайнодействуй —
не угадать, откуда принесло
строфу вот эту, рифмы эти. Шествуй,
вгрызайся в тайну дальше, раскали
страсть добела и силой опали
всё зримое.

И что же видишь ты?
Край обожжённый вечной пустоты.

1993

* * *

Этот выдох строки не способен запомниться.
Эта лёгкость дыхания, как облачко — мимо.
Эти звуки плывут от невидимой звонницы.
Эти клочья — обрывки небесного дыма.

И возврата уж нет к той немислимой поступи,
Где на каждом шагу диктатура акцента,
Где ржавеют советов несметные россыпи
И овации зреют во славу момента.

1989

* * *

Все песни позабыть. Все книги.
И все цитаты о труде.
В земной коре услышать сдвиги
И угадать по звуку, где

Гудит минута роковая,
Определяя на века
Закон, который воля злая
В жизнь воплотит наверняка.

1988

ПРОТИВОСТОЯНИЕ

Мы в плену бесконечных равнин,
Их пустого, гудящего чрева,
Где с пространством один на один
Бьётся плод омертвевшего древа.

Что закат на земле, что восход —
Бой не молкнет, упорный и давний.
И пока неизвестен исход,
Но противников силы неравны.

И пока этот плод не исчез,
Плод последний сияющей веры,
И пока от земли до небес
Не пожары плывут, а химеры,

Отмолите своих и чужих,
Отмолите от участи худшей.
Пусть их Бог не оставит одних
В испытаниях вздыбленной сушей.

Сила равенства там, где игра
Бури страстной с горой молчаливой.
Но когда возмутится гора
И могучим броском торопливо

Кинет в небо охапку огня
И дыхнёт своим жаром утробным —
Вот тогда среди ясного дня
Буря солнце завесит чёрным.

1988

* * *

Мне площадные зрелища чужды.
В течении лавинных демонстраций
И в митингах волнующихся наций
Присутствуют всегда свои вожди.

И даже там, где демократов сход
Копает яму власти бюрократов,
Мечтая жизнь устроить, словно в Штатах,
Незримо тень диктатора встаёт.

Пророк без чести в городе моём.
Пророк без чести. И одна отрада —
Сбежать в конец заброшенного сада
И с небом разговаривать...

1988

* * *

Юрию Кублановскому

Смысл у жизни один —
умереть во Христе.
Смысл России один —
умереть на кресте.

О, как взоры дурманит
морок красных снегов!
Но прощать не устанет,
Кто на веки веков

безвозвратно упрятал
смерть в смертельную тьму
и земные утраты
отменил потому.

Центробежная сила —
казни, казни кругом!
Ты свой крест выносила
низким белым крылом.

Кто безгрешен, бросайте
камни гнева в неё.

И отмщенья узнайте
каково остріе.

Тайной
тайной свободы
запечатан твой лёт.
Чаешь — то непогоды,
то — движения вод.

То нездешние силы
вызывая на бой,
множишь, множишь могилы.

Бог с тобой.
Бог с тобой.

1993

* * *

Гаснет рампа и воздух становится глух.
Растворяется зритель в пространстве ночном.
Воет вьюга снаружи как раненый дух,
и театр забывается временным сном.

Тихо так, что прислушайся — и в тишине
только времени шорох да мышья возня,
да горячечный шёпот о скорой весне
слышен из-за кулис, где ночует сквозняк.

А от кресел партера, что дремлют сейчас,
ток дыханья исходит и к сцене течёт —
он наполнен энергией взрывчатых фраз.
он обратной волной их из зала несёт.

И на сцене, где воздух устало молчит,
где сейчас пустота, где темнеет провал,
ниоткуда журчать начинают ручьи,
ниоткуда шуметь начинает вокзал.

Ниоткуда мучительный возглас весны
исторгает толпу, броневик, Петроград,
над которыми носятся вещие сны,
над которыми звёзды безумно горят.

И безумная прыть начинает свой бег,
раздвигается сцена и видно в ночи,
как, отринув Христа, открывается век,
как народ о победе свободы кричит.

1990

* * *

В запущенной, глухой квартире,
в крутящейся и снежной мгле,
где Пушкин отдаётся лире,
где Блок не ходит по земле,
где гул затих и вышел на подмости
не Пастернак, но Горький. Где труба
зовёт по площадям и перекрёсткам
на пир ручного, братского труда,
где слепнешь с детства от любви и страха,
где лес — до неба, до костей — мороз,
где глохнешь от пространства и размаха
стоглазо нависающих угроз,
я вовремя похоронил затеи
по измененью правил. Инструктаж,
оставленный наследникам Вандеи.
определил, что прошлое — мираж,
определил, что мщение — не в муках
топить врага, а дать свободе ход,
что унывать при благовеста звуках
есть грех, что соловей ещё поёт,
что смерти нет, вернее, отовсюду
к нам весть спешит благая: смерти нет,
что дьявол, лишь взглянув, узнал Иуду —

и в этом скрыт до времени секрет
и хода лет, и сумрака прозрений,
и будущих, таинственных побед,
когда, пройдя дорогой искривлений,
земли достигнет покаянья свет.

1990

В СУМЕРКАХ

...ложись, Москва, на вечный сон.

М. Ц. 1917

Солнце красное в полночь всходить должно.

М. Ц. 1918

Это Красная площадь. Руби и режь —
измочалишь железо, сойдёшь с ума.
Это стены китайские. Сделав брешь,
обнаружишь: хозяйничает зима.
Обнаружишь: сумерки, дивный свет
и деревья в инее. Видно, спят.
Под деревьями стол, самовар и рулет —
то за чаем не спит милицейский наряд.
А вокруг — терема и чёрных карет
столько, насколько хватает глаз,
и бесшумные тени, герои газет,
норовят подмигнуть, выйдя из-за угла.
Это первый парад и последний сон,
Апполона владения в час Помпей.
Ну а что во сне лихорадит стон,
то от качки. Однако стынет чай-то, допей.

А допив, выходи на природу, в народ,
расскажи, что привиделось там, во сне.
Ну а если язык невзначай сведёт,
поищи сучок на ближней сосне.

1990

* * *

А. Т. Смирнову

Угрюмые дней, бесславье дел.
Семидесятые! Над вами,
с овациями и гробами,
сон, ожививший беспредел.

С такую силой сладкий тлен
наполнил лёгкие отравой,
что в одночасье сотни стен
возникли — лабиринт кровавый.

В том лабиринте не одна
душа блуждала, погибая.
Колодцем без воды и дна
итожилась судьба любая.

И похороны день за днём,
и панихиды, кроме главной.
и пожирается огнём
подземным город православный.

Семидесятые! Шестой
десяток. Испревают вены. Спит
пролетарий. Он простой.
Ему не ведомы измены.

1992

* * *

Мой путь пролёг во тьму.
Наедине со светом
решили мы, что это —
судьба.

И потому
мой путь пролёг во тьму.

Из тьмы грядущих дней
я слышу голоса,
я вижу небеса.
Зов этот всё сильней
из тьмы грядущих дней.

Уныние — есть грех.
Терпение — сестра.
И потому пора
всем рассказать для всех:
уныние есть грех.

Наполнен светом день —
любая цель видна,
как полная Луна.
Да, несмотря на тень,
наполнен светом день.

Но там, где нет границ,
теней и городов,
там, может, нет садов
и путь закрыт для птиц
туда, где нет границ.

Там звук царит, не слог,
куда мой путь пролёт.
Там с кончика пера
срывается гора,
которую вчера
я б удержать не смог.
...Но путь уже пролёт.

1989

* * *

*Пускай Художник, паразит,
другой пейзаж изобразит.*

И. Бродский

I

Реальность вызывает тошноту.
А тошнота, как высшая реальность.
сползает неизменно в немоту,
а там — астрал, нирвана, им моральность,
короче, сдвиг чего-то. В связи с чем —
обряд в кругу, объятья умилений
и груда построений-жизнесхем
для остротой влекущих воплощений.

И среди прочих — добрый классицизм.
Не бог весть что для выбора, но всё же —
определённость схемы, артистизм
и, между прочим, что всего дороже —
избитость. А за битого, как встарь,
дают и в наше время двух небитых.
Отечество? Изгаженный букварь,
весь красными чернилами залитый.

II

Греби же, лодочник! С мели
всё выше, выше, выше, выше
судьбы, любви, могил, земли —
туда, где всё желаньем дышит.
Туда, где вечный небосвод
заходится от тьмы цветений,
туда, к источнику свобод,
к фонтану непреображений.

Отчаянье стократ грозней
в отсутствии преодоления,
но песня — Бог, покуда в ней
энергия сопротивленья,
но песня — крест, а у него
нет выбора, везде — могила.
О солнце! Взгляда твоего
довольно. Высохли чернила.

1992

* * *

Бодлер зовёт. Отставив шалости,
стремительно встаём из-за стола.
А улицы в вечерней ярости
нас сжечь пытаются дотла,
а путь изрезан переулками
кривыми и кривоколенными,
и свистами наполнен гулками,
и толстыми окутан стенами,
и заметён по горло бранями,
и утрамбован вглубь запретами,
делами полон криминальными,
обклеен грозными декретами.
Но на пути нас, не отмеченных
ни правотою, ни смирением,
сон похищает, не замеченный
общественным тягучим мнением,
и тащит нас под необъятное
то небо, и на ту равнину,
где зрит поэт невероятную
и мрачную весьма картину, —
как мимо племя пилигримово
бредет, согбенное Химерами,
с покорностью необоримою,
с надеждами и даже — верою.

Бодлер, когда его мы встретили,
спросил: «Ответствуйте без фальши,
куда они?»

И мы ответили:
«В двадцатый век. В Россию. Дальше».

1990

* * *

— Среди всеобщей нищеты
скажи, о чём тоскуешь ты?
Что роковое, неземное
тебя встревожило, ответь?
Вот: справа — солнце, слева — звёзды,
посередине — неба твердь.

— Среди всеобщей нищеты
Ты прав, Господь, тоске не место.
Тоска — всегда сестра мечты,
та — идеалу ввек невеста.
Но, Господи, как распознать
пути земные, если всюду
как брата кровного Иуду
спешат узнать, простить, обнять?

1992

* * *

Сергею Должкову

К небу тянется росток.
Он погибнет, если света
Будет мало, если лето
Запоздает, сдвинув срок.

Разум! Сердцем не криви,
Не упорствуй: «Все пропало!» —
Над равниной смерти встало
Солнце белое любви!

Попалаяющий огонь —
Небвестник всеспасенья.
От субботы — к воскресенью.
Лёд — вода — труба — огонь.

1991

* * *

«Спасти! Спасти! Отмыть! Отмыть!» —
Летит приказ по телефонам.
О жизнелюбцы! Жить и жить
По волчьим вечно вам законам.

Ни покаянная слеза,
Ни дар напрасный и случайный
Вас не проймут.

Греми гроза!
Щетинься гневом край бескрайний!

Пой, оглушённая Москва!
Отхаркивай порядок кровью!
По-беда, ты была близка,
Но ты приходишь за любовью.

Настойчиво: «Спасти! Спасти!» —
Жужжит указ.

Спасайтесь сами!
Несите миру кровь, в горсти
Запёкшуюся со слезами.

1993

* * *

Я хотел бы гармонию петь,
Но она не для этого мира.
Остаётся молчать.

Только плетъ,
Под старинным названием — лира,

Без пощады и хлещет, и жжёт,
И язвит без пощады, и дразнит.
И порою всю ночь напролёт
Предает лихорадочно казни.

1988

* * *

о. Василию

Господи! Дыхание Твоё
в Спасском храме старо-новом
полнит сердце — до краёв
и врачует — Словом.

К сердцу липнут страхи, суета,
мусор искушений и сомнений,
но бессмертной силою Креста,
Кровью причащений

восстаёт оно из забвения,
сна стряхнув истому,
и опять, как лёгкая ладья.
к сердцу мчит другому.

Сквозь туман слепой и русский быт,
сквозь воспоминанья коммунизма
сердце ко Престолу Благ летит —
на устах — девятая кафизма.

1994

* * *

Борису, художнику

Всё, всё сгорит.

Но поздние творения,
Плоды, тяжёлые прозрачной
невесомостью,
Сиять останутся в саду благословения,
От века наречённым русской волостью.

Всё, всё сгорит.

1996

* * *

Без пафоса.

И без надрыва.

А просто — золотится

нива.

Да!

Край — убог.

И дик — народ.

И путь прогресса вышел криво.

Но всё же —

золотится

нива

и голубеет

неба

свод.

1990

* * *

Н.

Заводили пластинку и слушали.
И смотрели друг другу в глаза.
Звуки наш разговор не нарушили —
Заменили собой голоса.

И, томима неясной тревогою,
Нерешительно ты поднялась,
И глухую ночную дорогою
Побрела в глубину моих глаз.

1987

* * *

Серые стены в доме моём.
«Не было краски», — сказали родители,
И не увидели,
и не увидели:
Плачущий мальчик исчез за углом.

Плакал и думал: «За каждым окном
Разные краски, особые царства...
Серые стены в моём государстве».
Шёл и шептал: «Пусть... горит... всё... огнём...»

Жадно вбирало тот шёпот пространство.

1978

ГОЛОЛЕДИЦА

Сергею Гудкову

Ступают ноги неуверенно —
Где был асфальт, сегодня — лёд.
Где было точно всё проверено —
Сегодня кто-то упадёт.

По неизвестности идёшь
И равновесие непрочно —
Не ведаешь, не знаешь точно
Когда и где ты упадёшь.

1979

ОСЕННИЙ САД

Анатолию Парпаре

Сегодня он стоит уныл и пуст.
Но лишь недавно краски отгорели,
И, словно капли жёлтой акварели,
Ещё роняют дерево и куст.

Но помню, как здесь цвёл беспечный май,
Как лето тут плоды и листья грело,
Как раздавался голос птичьих стай,
Спешащих в югодальние пределы.

И вот сейчас, зайдя в осенний сад,
Увидел птиц, ещё не улетевших.
Но не были они из неуспевших,
Остались те, кто встретит снегопад.

Как будто нет осенних холодов,
Как будто листья все не облетели —
Не думаешь о завтрашней метели,
А думаешь о вечности садов.

1980

* * *

В.

Всё чаще вижу, узнавая
по слабому дрожанию век,
что, тишины не нарушая,
беззвучно плачет человек.

В эпоху скоростных авто
цена на слёзы низко пала.
Не сразу понимаю, что
слёз молчаливых больше стало.

1984

ГЛЯДЯ НА КАЛЕНДАРЬ

Суровым строем дни идут.
Известна цель и твёрд маршрут.

Но бьёт неведомый стрелок
И валит с ног.

Он вовремя стрельбу ведёт —
Секундный счёт.

И суждено к концу пути
Единственному дню придти.

А год — калека-инвалид:
И там болит, и тут болит.

Он умирает.

Слышен звон
Весёлых похорон.

1984

* * *

Я жил, как свергнутый король,
В квартире города Москвы.
Играл несвойственную роль —
Был тише шелеста травы.

Там тонки лживые слова.
Там этикет на высоте.
Там посочувствуют сперва
Твоей судьбе, твоей беде.

А после скажут, что помочь
Ничем и нечем. Спрятав взгляд,
Дадут понять, что через ночь
Закончится уют-прокат.

Расскажут, как им трудно жить,
Как всё непросто в их Москве,
Потом начнут судить-рядить
О ценах и чужом родстве.

Не вынес тяжкого родства
С уютным ковриком у ног.
Туда, где нету естества,
Попасть не приведи нас бог.

1984

* * *

Заблудилась или заблудила?
Стол держал закуску, накренься.
И вино по прозвищу «чернила»
Понемногу забавляло нас.

Ничего вокруг не задевало —
Стёршиеся лица и глаза
Цветом, как стареющее сало,
И глухие рядом голоса.

Ты попала в мутное веселье
Лебедем, слетевшим в грязный пруд.
Захотелось забытья и зелья?
Интересно, как другие пьют?

А лицо ещё свежо и мило,
А глаза ещё полны тепла.
Заблудила или заблудилась
Средь людского холода и зла?

1984

ДЕКАБРЬ

Суровостью повеяло от слов,
Морозною зимой произнесённых.
И лес затих под натиском снегов,
Решив, что лучше притвориться сонным.

Так, распорядок соблюдая, мать
Бранит ребенка, что не засыпает.
Он уступает.

Но не хочет спать,
И лишь глаза для вида закрывает.

1985

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Посредине райцентра родного
Никого я не встретил из тех,
С кем хотел бы увидеться снова —
Разбросало безадресно всех.

Только тени бывшего мелькают,
Да не молкнет забытая речь,
Да чужая рука разжигает
В нашем доме голландскую печь.

Незнакомых здесь много, но всё же
Я здороваюсь наугад —
Отражают глаза прохожих
Мой задерживающийся взгляд.

Как я долго сюда добирался!
Обо мне тут и памяти нет.
А в кармане лежал и смеялся
Так не вовремя взятый билет.

И сирень отцвела, и малина.
Мальчик, где твои детские сны?
На окраине — та же равнина,
Где футболом страдали с весны.

Посредине райцентра родного
Закурил и ушёл на вокзал.
Недоверчиво, будто чужого,
Город взглядом меня провожал.

1985

* * *

Он другом называл меня.
Он не играл со мною в прятки.
Но дали резвого коня —
И он умчался без оглядки.

1986

* * *

Женщина — беспечное создание.
От ребра Адама своего
Отошла на поиски страдания.
И в конце концов нашла его.

1996

РАССВЕТ

Ночь! Вот предсмертный твой глоток —
Перед рассветом долгое мгновенье.
Вглядись, и ты увидишь, что восток
Поднялся, начиная наступленье.

И как ты властно, тьма, ни торжествуй,
Как ни упорствуй, напрягаясь немо,
Неуловимым вихрем свежих струй
Уже неизменно дышит время.

Толпой весёлой заскользят лучи,
Преследуя, дробя ночные тени.
И съёжившись, пугливо закричит
Сова от наступившей перемены.

Огни костра пространство обнажат.
Увидит человек, ещё не веря:
К нему спешит, шаги ускорив, брат,
Им ночью слепо принятый за зверя.

1986

* * *

Я тебя укачивал во сне.
Всюду ночь глубокая царила.
Оказалось, дня мне не хватило,
И при тусклой сумрачной луне
Я тебя укачивал во сне.

Осторожно губы приоткрыв,
Тихо вырывается дыхание.
Из глубин какого мироздания
За отливом движется прилив?

Кажется, когда проснёшься ты,
Вмиг мои колени онемеют.
И от мысли этой я темнею,
Словно часть царящей темноты.

Понимаю явственно вполне,
Приговор подписан — пробужденье.
Дайте мне отсрочку на мгновенье,
Дайте покачать её во сне.

1985

23 ИЮНЯ 1989 ГОДА

Это небо плачет, небо плачет,
Вспомнив Анну и её стихи.
Это молний высверки — и значит
Сотрясает гром сейчас верхи.

Это вечер долгий, ветер резкий,
Неостановимый водопад
Взяли в плен поля и перелески
Так же, как сто лет тому назад.

я медведем топтался на месте и пел косолапо,
назначенье любви,
как дурак, всё пытаюсь понять.

И дурацкие мысли по дымному воздуху плыли,
разбиваясь о камень, что пазуху впрок тяжелит.
Мы протерли до дыр,
до мельчайшей, до атомной пыли
нам в наследство оставленный,
вечный, казалось, гранит.

Не на каждый поступок
даровано нам покаянье,
не от каждого слова
прольётся живительный свет,
и не каждый по силам
способен избрать испытанье,
но сказать может каждый,
что Бога, конечно же, нет.

По велению ли шучьему, волей ли рока слепого
нас кружило в беседах
и в сердце потом проросло
незабвенным цветком золотое и лёгкое Слово,
что с небес восходящих
на землю когда-то сошло.

1990

бросит их в танкер
какой-нибудь малотоннажный
и, разогнавшись,
столкнёт его в гибельный шторм.

.....
Будет волна под луной в тишине серебриться.
Будет творить миражи долгожданный покой.
Станут и сны возникать полнозвучные.
Птицы будут кричать о любви.

Но сегодня... постой:
...греческий профиль ночного моря
на фоне забвенья —
выдох и вдох, выдох и вдох, и прежде любви
возникает и гаснет обрывок неясного пенья,
и, сердца касаясь, разглаживает старые швы.

1991

* * *

А. Сорокину

От крепостничества
до крепости,
от крепости
до крепостничества,
где мордой — каждого — в потребности
коммуны с тьмою электричества —

тебя ладонь качает властная,
судьба сопровождает строгая.
Но горнему всегда причастная
душа, то ахая, то охая,
твоя осталась тёплой, прежнюю.

И, замерев в твоих объятиях,
Воронеж, ночью белоснежную
встречаясь, бражничают братия...

1994

ПОСВЯЩЕНИЕ ГВОЗДИКУ

С. Д.

Душа спешит за горизонт —
ей слышится: зовёт свобода.
Ей снится легкокрылый сон —
ея бессмертная природа.

Она, как ласточка легка,
как дар божественный, прекрасна,
изменчива, как облака,
как электричество, опасна.

За ней, вынюхивая след,
все силы бросились земные:
«Для пленницы свободы нет!» —
шипят их языки стальные.

«Она — моя! Оставьте мне!
Нет, у меня свои с ней счёты!» —
летят по следу при луне,
шерсть дыбом в торжестве охоты.

Пуускай летят!

Там, где в дали
висит последний лёгкий мостик
границей неба и земли,
их встретит твой, бесстрашный гвоздик.

2000

* * *

Сапару Узденову

Мир держится на старых истинах.
Поэт — на вечном положении
Скитальца в чашах многолиственных
Оттенков смысла и значений.

Как лихорадкой охваченный,
Он мучается нужным словом,
Свершая труд, уже оплаченный
Толпы старинным приговором.

1988

ВОЗВРАЩЕНИЕ МУЗЫКИ*

(о поэзии Александра Кувакина)

*Приближается звук, и, покорна щемящему звуку,
Молодеет душа...*

А. Блок

Когда в мир приходит поэт, мир раздвигается: в нём становится просторнее, потому что поэт «таит в себе такую даль, где иные исчезают дали».

Поэт есть дар Божий — дар языку, что по-древнерусски значит одновременно и народу. Нужно и в самом деле быть или изо всех сил стараться быть «американским поэтом», чтобы выхолостить это промыслительное «совпадение» в терминах. Поэто-му лингвистический кумир Бродского, тот оскоплённый умозрительный персонаж его нобелевской речи, что уже вызвал к жизни десятки томов всяческих диссертаций, меньше всего является тем живым языком-народом, о котором у нас ниже пойдёт речь.

Язык-народ есть категория нравственная. Даже малейшего знакомства с русской поэзией достаточно, чтобы в этом убедиться. А русский язык-народ есть тем более категория нравственная, потому что само его формирование осуществлялось в лоне

---

*Статья была опубликована в сборнике «Самое-самое» (пять поэтов). М., «Российский писатель», 2006.

Православной Церкви, начиная с «аз буки ведал» Кирилла и Мефодия, включая «добро есть глагол» Достоевского и Распутина. В нём, в языке-народе, начальные и конечные смыслы русского бытия — ни в каких философских системах, ни даже в исторических аналогиях не найдём мы ответов о цели и предназначении нашего пути. Больше того, для ответа на эти вопросы окажется явно недостаточно знания толковых словарей и внушительных сборников русских пословиц и поговорок, потому что без человеческой плоти, которая несёт это в себе и наполняет эти фонетические формулы собой, без русского народа — всё это будет громкозвучной и мёртвой латынью.

Не будь в наше время подвига воина-мученика Евгения Родионова, не снявшего своего нательного креста перед чеченскими бандитами и не предавшего своих товарищей, чего бы стоила фраза: «Сам погибай, а товарища выручай»? Не знай мы сегодня о жертвенном труде сотен и тысяч смиренных сельских учителей и библиотекарей по всей России, как бы звучало великое русское: «Правда выше солнца»?

Русский язык стал плотью в русском народе, а русский народ стал словом в русском языке. И слава Богу, что это неотмирное двуединство языка-народа в нас не иссякло. Поэтому поэт, подлинный русский поэт, сегодня, как никогда, имеет право, и даже обязан воскликнуть:

*Ты уже не школьник, ты — поэт,
мой народ, беду преодолевший,
если: «Счастья не было, и нет», —
говорит язык твой онемевший...*

Это строки из стихотворения Александра Кувакина. Он один из немногих, кто своим словом сегодня оправдывает знаменитую поэтическую формулу Ходасевича: Кувакин идёт «путём зерна». Он буквально прорастает чернозёмную немоту своего времени. Как это ни странно, но самыми немymi для поэта стали «говорливые восьмидесятые» — да да, те самые, когда всё вокруг, казалось, только и делало, что булькало и шипело: на прошлое, на стоящее, а вкупе и на будущее.

Вся эта непристойная и громкая возня скрывала от мира самое главное — звук прорастающего голоса. И, наверное, слава Богу, что скрывала, потому что сегодня этот голос звучит твёрдо и внятно для слуха уже многих людей.

* * *

И, тем не менее, Кувакин, прораставший в молитвенной тишине собственной души, — поэт гула. И в этом смысле — его поэзия есть культурный, или, говоря словами Блока, «музыкальный» приговор немusыкальной цивилизации. Советской цивилизации:

*О судьбе Советского Союза,
О любви и гордости своей,
О слепых товарищеских узах
Спой, как прежде, красный соловей.*

*Ты взахлёб, бывало, заливался
О рассветах нежных над Кремлём,
Ты союзом нерушимым клялся,
Пел, что саду цвести в краю родном,*

*Уверял, что человек — хозяин
Необъятной Родины.*

И сам

*От Москвы до самых до окраин
С песней кочевал то тут, то там...*

Утопизм в чём-то очень глубоко сроден конструктивизму, из всего богатства поэтических школ серебряного века советская поэзия наследовала только одной — *акмеистической*. Остальные, за недостатком положительности, властью явно ощущались как неблагонадежные. Что уж тут говорить о символистской школе с её пророческими заглядываниями в будущее, когда само будущее было строго регламентировано. Оставалось неприглядное настоящее — тут-то и пригодилась акмеистическая лепнина. Под старину. С благословения Ахматовой.

Даже те из советских поэтов, что пополняли доблестные ряды кухонной «оппозиции режиму», а то

Однако в гуле сгинувшей эпохи уже роятся звуки наступающей. Поэт Александр Кувакин слушает только их, он уже простился с прошлым, мы — ещё прощаемся.

Говорить о «православности», «молитвенности» и т. д. поэзии Александра Кувакина попросту неуместно — всё это глубоко сопряжено тем отзвукам будущего, которым так жадно внимает поэт. И если кого-то сегодня ещё слепят отдельные строки Кувакина, не приписывайте их искусности или мастерству поэта (это будет худшим для него комплиментом) — просто на его стихи уже пролились отблески будущего, лучи того креста, что встаёт на востоке и своим сиянием затапливает наше настоящее!

Алексей ШОРОХОВ

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Владимир Костров. «Настоящая поэзия...»</i>	5
<i>Геннадий Красников. «...В поэзии всегда...»</i>	7

I. Русский ветер

«Любовь — это русский ветер...».....	10
«Поднимаю забвенное знамя поэта...».....	11
«Подставляю ветру грудь...».....	12
«Здравствуй, песня полей предвоенной равнины...».....	14
«Метро...».....	16
Чернь.....	17
1 мая 2006 года.....	19
«В чёрное тело России...».....	20
«Травы пригнулись, дома зашатались...».....	21
Русское (<i>после бури</i>).....	22
«Вы хотели жизни? Вот она...».....	23
Империя.....	24
Тамань в снегу.....	25
«Ухабы да ямы, ухабы да ямы...».....	27
«Да, слова — это воздух...».....	28
«От порога — родные ухабы...».....	29
«Распрягай свою душу — и трогай...».....	30
На смерть отца.....	32
«Окна белым занавешены...».....	34
Памяти моего дяди.....	35
Маме.....	37
В Переславле-Залесском.....	39
«По тульским улицам идти...».....	41
«Ещё тревожит девятнадцатый...».....	42
На смерть Юрия Кузнецова.....	43
«Это ты, Петергоф, виноват!...».....	44
Будни большого города.....	45
Шутка.....	46
На посещение Воронежа.....	47
«Покидаю обжитую местность...».....	48

«Вместо нас останутся слова...».....	49
«Если б только стужа!...».....	50

II. Самое-самое

«Россия — поющая пуля...».....	52
Самое.....	53
«Вместо сердца — мотор...».....	54
«Не поднимая глаз, провинцией столичной...».....	55
У Шорохова.....	57
«Смирись силы ада...».....	59
Красный соловей.....	60
Осенняя песня.....	62
«Вижу, как поют...».....	64
«Ты уже не школьник, ты — поэт...».....	65
«Над городами новой России...».....	67
«Распускается время цветами...».....	69
«Священной ночи приближенье...».....	70
«...говорить на непонятном...».....	71
«Вязнут в ночи дома...».....	73
«Только с Пушкиным и Блоком...».....	74
Нижний Новгород.....	76
«У нас иная иерархия...».....	78
Утро на Куликовом поле.....	79

III. Господне ремесло

«Поэзия — господне ремесло...».....	82
«Этот выдох строки не способен...».....	83
«Все песни позабыть. Все книги...».....	84
Противостояние.....	85
«Мне площадные зрелища чужды...».....	87
«Смысл у жизни один...».....	88
«Гаснет рампа и воздух становится глух...».....	90
«В запущенной, глухой квартире...».....	92
В сумерках.....	94
«Угрюмые дни, бесславье дел...».....	95

«Мой путь пролегал во тьму...».....	96
«Реальность вызывает тошноту...».....	98
«Бодлер зовет. Отставив шалости...».....	100
« — Среди всеобщей нищеты...».....	102
«Лёгкий шелчок — это дерево обнял мороз...».....	103
«К небу тянется росток...».....	104
«Спаси! Спаси! Отмычь! Отмычь!..».....	105
«Я хотел бы гармонию петь...».....	106
«Господи! Дыхание Твое...».....	107
«Всё, всё сгорит...».....	108
«Без пафоса. И без надрыва...».....	109
«Заводили пластинку и слушали...».....	110
«Серые стены в доме моём...».....	111
Гололедища.....	112
Осенний сад.....	113
«Всё чаще вижу, узнавая...».....	114
Глядя на календарь.....	115
«Я жил, как свергнутый король...».....	116
«Заблудилась или заблудила?...».....	117
Декабрь.....	118
Возвращение.....	119
«Он другом называл меня...».....	121
«Женщина — беспечное создание...».....	122
Майские ночи.....	123
Рассвет.....	124
«Я тебя укачивал во сне...».....	125
23 июня 1989 года.....	126
«На Садовом кольце...».....	127
Крымский речитатив.....	129
«От крепостничества до крепости...».....	131
Посвящение гвоздику.....	132
«Мир держится на старых истинах...».....	134
<i>Алексей Шорохов. Возвращение музыки.....</i>	<i>135</i>

Александр Геннадьевич Кувакин

П О Ю Щ А Я П У Л Я

Серия: СОВРЕМЕННАЯ ЛИРИКА

Ответственный редактор — *А.А. Парнара*
Художественный редактор — *А. Александров*
Корректор — *И.В. Ушакова*

Подп. к печ. 20.05.10. Формат 70x100¹/₃₂

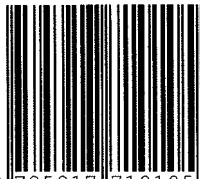
Бумага офсетная. Гарнитура «Newton».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 4,5

Тираж 1000 экз.

Заказ №

ISBN 978-5-91771-010-5

9 785917 710105